

С. П. Нестеркин

ТИБЕТОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
В ОТДЕЛЕ ФИЛОСОФИИ, КУЛЬТУРОЛОГИИ
И РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ ИМБТ СО РАН

В работе рассматриваются основные направления и результаты тибетологических исследований в Отделе философии, культурологии и религиоведения ИМБТ.

Ключевые слова: тибетология, буддология, история буддизма, тибетский буддизм, буддизм в России.

S. P. Nesterkin

TIBETOLOGICAL RESEARCH IN THE DEPARTMENT
OF PHILOSOPHY, CULTUROLOGY AND RELIGIOUS STUDIES
IN IMBTS SB RAS

The paper discusses the main directions and results of Tibetological research in the Department of Philosophy, Cultural Studies and Religious Studies of IMBT.

Keywords: Tibetology, Buddhology, History of Buddhism, Tibetan Buddhism, Buddhism in Russia.

Тибетологические исследования в нашем Институте ведутся практически с момента его основания – первым ученым секретарем его был выдающийся бурятский тибетолог Базар Барадин, получивший образования в Петербургском университете под руководством академика Ф.И. Щербатского. В 60–70-х гг. в Институте трудился другой его ученик – Б.В. Семичов.

В настоящее время значительная часть тибетологических исследований Института сосредоточена в Отделе философии, культурологии и религиоведения. Объектом тибетологических исследований в Отделе является буддизм в его тибетоязычной форме, в том виде, в каком он распространен в буддийских регионах России: Бурятии, Туве, Калмыкии, а также Индии, Китайской Народной республике (в таких ее регионах, как Внутренняя Монголия, Тибетский Автономный район, в регионах Кам и Амдо), в Монгольской Народной республике. Кроме того, исследуются процессы распространения тибетского буддизма в европейской части России, а также странах Запада.

Нестеркин Сергей Петрович – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН» (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: sn3716@gmail.com.

Тибетологические исследования строятся на оригинальной источниковой базе. Большое внимание в работе уделяется комментированному переводу и исследованию широкого спектра источников: сутрам, содержащим проповедь Будды, (собранным в Кангьюре), комментариям на них (шастрам) индийских Учителей буддизма (собранных в Дангьюре), а также постканонической литературе (преимущественно традиции Гелуг).

Из огромного текстового наследия буддийского Писания (сутр) главное внимание уделялось тем из них, что оказывали глубокое влияние на формирование школ и направлений буддизма махаяны и породили значительную комментаторскую традицию. В Бурятии, как и в других буддийских регионах России, традиционно укоренен буддизм махаяны в его центрально-азиатской форме. Поэтому не случайно обращение к сутрам, относящимся ко второму и третьему «поворотам колеса Учения», излагающим учение махаяны. Были предприняты переводы (впервые на русский язык) таких важнейших сутр, как «Праджняпарамита Восьмитысячная» (Аштасахасрика праджняпарамита сутра) [Сутра Праджняпарамита], в которой излагается махаянское учение «второго поворота колеса Учения», легшее в основу школы мадхьямаки, сутра «Истинное объяснение мысли» (Сандхинирмочана) [Сутры Махаяны], излагающая учение «второго поворота», послужившая основным доктринальным источником для учения йогачаров, а также такие принципиальные для понимания учения махаяны сутры, как «Вималакирти-нирдеша» (которая важна не только для тибетского буддизма, но является одним из главных текстов для китайских школ Чань и Хуаянь) [Сутра «Почтения... »], «Амитабха-вьюха» (на которой базируется учение о «чистой земле» школы Дзинту). Набор переведенных к настоящему времени сутр отличается разнообразием тем, сюжетов и трактуемых в них предметов. Например, сутры «Вималакирти-нирдеша» и «Вопросы домохозяина Угры» интересны тем, что в них подробно описывается религиозная этика буддиста-мирянина, практикующего в мирской жизни, отречение от мира в сутре «Вопросы Сувикранта-викрамина» [Святая Сутра], детально разъясняются ключевые термины и основные положения махаянской теории праджня-парамиты и очень ярко демонстрируется весьма специфический стиль срединного философствования, который был впоследствии принят на вооружение в мадхьямаке и с особым блеском развит в мадхьямаке-прасангике. Кроме того, переведен ряд других сутр, каждая из которых посвящена объяснению отдельного вопроса буддийского учения [Тагпа Шедуб] и позволяет составить представление о живых традициях буддизма.

Весьма интересен также опубликованный перевод «Избранных мест из разных Сутр» Нагарджуны – своего рода дайджест сутр махаяны [Нагарджуна].

Основной предмет в исследовании комментаторской литературы – трактаты, посвященные философии мадхьямаков-прасангиков в их полноте, охватывающей как ее истоки, связанные с трудами ее индийских основоположников: Нагарджуны, Буддхапалиты и Чандракирти, так и развитие в центрально-азиатской буддийской схоластике, основанной на идеях тибетского религиозного реформа-

тора Цонкапы и трудах его многочисленных последователей. Исследовательский интерес был направлен в первую очередь на анализ саморефлексии данной философской традиции, на выявление тех своеобразных объясняющих схем и моделей, с помощью которых она сама осмысляла центральные для любой исторической формы философии проблемы предмета и метода философии, ее необходимости и границ. Это буддийская философия, которой предпослана доктрина, выражаясь современным языком, это – «религиозная философия». Среди важных результатов следует назвать перевод с тибетского базовой для всей тибетской традиции работы «Введение в мадхьямику» индийского пандита Чандракирти (с собственным субкомментарием, впервые переведенным на западный язык), где он отстаивает интерпретацию сутр махаяны, получившую в дальнейшем название мадхьямаки-прасангики, ставшей краеугольным камнем тибетской буддийской философии, в особенности в традиции Гелуг [Чандракирти], а также перевод комментария Цонкапы к основной работе Нагарджуны «Мулапраджня», в котором основатель традиции Гелуг обосновывает собственное видение индийской традиции мадхьямаки [Цонкапа 2020; 2021].

При изучении буддийской философии основное внимание уделяется источникам школы Гелуг, доминирующей в буддийских регионах России, и, в частности, тем, которые включены в образовательный процесс на философских факультетах буддийских монастырских университетов. Эти источники подразделяются на три основные группы: 1) классические работы индийских авторов; 2) тибетские комментарии периода становления буддийских школ (в нашем случае это комментарии Цонкапы, основоположника школы Гелуг и его основных учеников) и 3) собственно учебная (схоластическая) литература философских факультетов, в которой предметное содержание анализируется преимущественно в диспутальной форме.

Значимое место в работах Отдела занимает обоснование тибетской традиции постепенного пути просветления (ламрим), который с позиций индо-тибетской махаяны является универсальным путем просветления, имеющим рационалистическое обоснование, а также включает в себя методы «быстрого», «мгновенного» пути, практикуемые в ваджраяне, махамудре и дзогчене [Урбанаева 2014; 2015; 2016]. Был опубликован перевод на русский язык тибетского текста «Ламрим “Быстрый путь к всеведению”»: обнаженное руководство по этапам пути просветления» Второго Панчен-ламы Лосанга Еше [Панчен-лама]. Это произведение примечательно тем, что включает содержательную суть предыдущих текстов Ламрим, приводит многие положения из уникальной устной традиции, передававшихся до этого лишь в устной форме. Кроме того, текст содержит элементы тантрической практики, интегрированные в Ламрим, что редко встречается в ламримах традиции Гелуг.

Философское и сотериологическое содержание категорий «основа», «путь» и «плод», определяющих проблематику постепенного пути, раскрывалось на основе текстов по истории философских систем – сидхантах [Кёнчог; Нестеркин 2014; 2018].

Исследование соотношения «постепенного» и «мгновенного» путей просветления привело И. С. Урбанаеву к выводу об ошибочности их противопоставления, причем это верно, по ее мнению, не только для Гелуг, но всем тибетским традициям, истоки которых восходят к индийскому наследию [Урбанаева 2017].

И. С. Урбанаева

Важное место занимает исследование проблем медитации, занимающей ключевое место в сотериологической системе буддизма [Донец 2007]. Система медитации согласно традиции Цонкапы/Венсапы имеет ряд уникальных черт и подразумевает понимание целостной системы осуществления постепенного пути, знание философии мадхьямаки-прасангики, а также включение методов сутраяны и ваджраяны.

Ряд работ посвящен вопросам единства буддийской философии и медитации, в них они представлены с точки зрения наследия древнеиндийского университета Наланды, являвшегося с I тыс. н. э. центром буддийской философии и системы образования в Индии. Центральный тезис работ состоит в том, что взаимозависимость философской теории, изложенной в сутрах Праджняпарамиты и трудах ученых Наланды, а также философского образования и теоретически обоснованной медитации образует уникальный стержень индо-тибетской махаяны и представленной в ней методологии развития личности [Урбанаева 2015а; 2015б; Донец, Нестеркин 2013; Нестеркин 2011].

Важным направлением работы является исследование системы образования в центральноазиатском буддизме и трансформация образовательного процесса в современных условиях. История его становления, базовые теоретико-методологические и организационные принципы буддийского образования исследовались в работах С. П. Нестеркина [2016], А. М. Донца [2008], А. В. Лощенкова [2018; 2021]. Изучаются также основные направления развития образовательной системы в современных условиях, процессы его адаптации к глобальному миру [Nesterkin, Shcherbina 2019].

Тибетологи отдела: А. В. Лощенков, И. С. Урбанаева, С. П. Нестеркин

Освоение учения махаяны согласно программе философских факультетов предполагало последовательное изучение следующих учебных дисциплин: (1) эристики, логики и эпистемологии, (2) парамиты (сотериологии), (3) мадхьямаки (философии срединности), (4) абхидхармы (представляющей собой систематизированное изложение философии «малой колесницы» – хинаяны) и (5) винаи (монашеского устава).

Исследование системы философского образования опирается на источниковедческий и историко-философский анализ учебной литературы монастырей центрально-азиатского буддизма.

Были выделены основные категории (базовый язык) буддийской философии, лежащие в основании образовательного процесса – своего рода резюме текстов по «Собранию тем» (учебников для первых курсов дацанов, систематизирующих философский категориальный аппарат схоластики) [Донец 2009], и исследована его логико-эпистемологическая основа, т. е. выявлены особенности интерпретации логико-эпистемологической традиции Дигнаги-Дхармакирти в традиции Гелуг [Он же 2016].

Были исследованы наиболее сложные вопросы буддийской сотериологии, которые в учебном процессе осваиваются как отдельные дисциплины курса праздняпарамиты, а именно доктрина зависимого возникновен [Он же 2004], учение о медитативных состояниях [Он же 2007] концепция «базового сознания» [Он же 2008].

На базе этих индийских комментариев с привлечением работ тибетских авторов – Цонкапы и его учеников (Кедруба и др.), а также авторов «схоластического» периода (Жамьяна Шепы, Тагба Шедуба, Чанкья Рольби Дорже и др.) был проведен анализ ключевых категорий буддизма в презентации философии мадхьямаки-прасангики, обобщенный в монографиях «Структура дхармы в свете принципа срединности» [Донец 2010], «Учение об истине...» [Он же 2012] и «Герменевтика буддизма» [Лепехов, Донец, Нестеркин 2006].

Исследовалась интерпретация личности, представленная в схоластической литературе. Отмечено, что персонологическая доктрина буддизма возникла как результат полемики с субстанционалистскими взглядами на личность, развивавшимися в ортодоксальных религиозно-философских школах индуизма. Развитие взглядов на личность обуславливалось эволюцией онтологических воззрений буддизма. Несмотря на довольно широкий сектор персонологических доктрин, присутствующих в индийском буддизме, во всех школах тибетского буддизма была принята интерпретация личности как конструкта, формируемого в процессе жизненного пути, а путь спасения (т. е. вторичная социализация в буддийской субкультуре) – как последовательная рефлексия, позволяющая преодолеть сформировавшиеся на базе ложной личностной идентичности когнитивные, эмотивные и канативные установки и избавиться от фрустрации. Интерпретация личности как конструкта, а деконструкции как просветления, имеющего внезапный характер, является теоретической основой открытости буддизма как системы и толерантности его последователей [Нестеркин 2011; Nesterkin 2021].

Весьма важной в методологическом плане представляется проблема сохранения аутентичности буддизма в процессе его исторического развития и/или передачи в инокультурную среду. В исследованиях И.С. Урбанаевой это является тем краеугольным камнем, на котором строится рассмотрение исторических и современных аспектов существования буддизма. В ее понимании ядро буддизма в виде философии, созерцательной практики и образа жизни, основанное на трех поворотах Колеса Учения, должно оставаться неизменным, внешняя культурная оболочка может приобретать национальный окрас. Именно так оценивается феномен бурятского буддизма или иных его территориальных форм. Принцип аутентичности нашел отражение в сравнительном анализе двух традиций махаянского буддизма с точки зрения их истоков и преемственности с индийским буддизмом. Этот принцип служит залогом сохранения подлинного Учения Будды при взаимодействии буддизма с небуддийскими верованиями [Урбанаева 2013; 2014а; 2017а].

Большое значение отводится исследованию в области каталогизации тибетской литературы в фондах ЦВРК. Так, в ходе работы с тибетским фондом ЦВРК СО РАН были выявлены и отобраны рукописи и ксилографы, имеющие отношение к тантрическим практикам. Среди большого многообразия были установлены тексты, имеющие отношение к схоластическому образованию в буддийской тантре. Они были систематизированы в четыре раздела: комментарии и инструкции; посвящения; гуру-йога и садханы. Определено авторство, а также условия появления текстов: проситель составления текста, писарь, резчик, место и время написания, а также во многих случаях место издания [Базаров, Лощенков 2021].

Помимо работы с источниками, сотрудники отдела собирают материал о современном бытовании буддизма в экспедициях, которые проводятся ими как в России, так и за рубежом: в Китае (Тибетский Автономный Район, Внутренняя Монголия, Кам, Амдо), Монголии, Индии (Гималайские регионы Индии, Сикким, тибетская диаспора), Непале, Бутане. Тибетологические исследования про-

водятся в сотрудничестве с зарубежными учеными и научными организациями (АН Монголии, Университет МНР, Нью-Йоркский Университет, CUTS др.).

И. Р. Гарри

И. Р. Гарри исследовалась история Тибета со времени его вхождения в состав КНР в 1951 г. и его современное состояние по начало XXI в. Был дан анализ концепта «тибетский вопрос», его историческая трансформация, политика КПК в Тибетском районе КНР, и сино-тибетский диалог о проблеме автономии [Гарри 2009]. Очень интересный материал о положении буддизма в ТАР представлен в переведенной автобиографии видного иерарха буддийской церкви Арджа Ринпоче [Арджа 2018].

Исследования тибетского буддизма в Монголии отделе представлены работами Л. Л.Абаевой. В ее работах исследуются буддийские теории и практики в контексте их доминирующего положения в монгольской сфере [2018].

Л. Л. Абаева

Значительное место в ее трудах занимает исследования социокультурных и социоконфессиональных аспектов сотериологии тибетского буддизма, получившего распространение в монгольском мире. Отмечая, что XX–XXI вв. практиче-

ски все конфессии столкнулись с необходимостью обновления традиционного вероучения и канонических форм религиозной практики в соответствии с теми значительными изменениями, которые происходили в мире и которые, конечно же, не могли не оказывать определенного воздействия на структуру религиозного сознания и поведения адептов, Л. Л. Абаева обосновывает тезис, что от того, в какой мере та или иная концепция буддизма могла соответствовать потребностям монгольского социума, в конечном итоге зависело будущее существование адаптированных религиозных смыслов и символов.

В результате этих процессов ассимилировались и трансформировались многие религиозные традиции монгольских народов Бурятии, Калмыкии, Монголии и Внутренней Монголии КНР, а также тюркоязычной Тывы, что создало уникальную специфическую религиозную культуру, где основным фактором являлась адаптированная, но уже ставшая традиционной, религиозная культура буддизма.

Однако, по ее мнению, сотериологические мотивы во всем монгольском мире носят все же специфический оттенок. Культурно-историческое наследие буддизма в Центральной Азии, благодаря его специфике в трактовке человека и его места в мире, пользуется устойчивой репутацией самой универсальной и гуманной религии в истории человечества, так как провозглашает принципы моральной ответственности человека за свои деяния и сострадательное отношение к любому живому существу. Распространение буддийской доктрины и практическое ее применение не замыкались в узких рамках буддийского духовенства и образованных мирских последователей. Принципы буддизма, проникая в общественное сознание, в значительной степени определяли деятельность всех слоев общества. В Центральной Азии буддийская идеология пронизывала все стороны политической и культурной жизни общества, бытовой уклад народов, являясь цементирующим элементом, универсальным языком, придающей культуре этого региона некую целостность.

Однако, по мнению исследовательницы, сотериологические мотивы во всем монгольском мире носят все же специфический оттенок. Культурно-историческое наследие буддизма в Центральной Азии, благодаря его специфике в трактовке человека и его места в мире, пользуется устойчивой репутацией самой универсальной и гуманной религии в истории человечества, так как провозглашает принципы моральной ответственности человека за свои деяния и сострадательное отношение к любому живому существу. Распространение буддийской доктрины и практическое ее применение не замыкались в узких рамках буддийского духовенства и образованных мирских последователей. Принципы буддизма, проникая в общественное сознание, в значительной степени определяли деятельность всех слоев общества. В Центральной Азии буддийская идеология пронизывала все стороны политической и культурной жизни общества, бытовой уклад народов, являясь цементирующим элементом, универсальным языком, придающей культуре этого региона некую целостность.

По мнению Л. Л. Абаевой, буддизм не только не нарушил этническое сознание народов Центральной Азии, но, наоборот, сохранил его и даже возвысил до уровня мировой религии, развил его дальше, обогатив его опытом других народов Востока (индийцев, китайцев, тибетцев, уйгуров, монголов, бурят и др.), в то же время вобрав в себя традиционные нормы религиозной культуры новых адептов этой религии [2020; 2020а; 2020б].

Такое видение проблемы закономерно приводит Л. Л. Абаеву к исследованию обновленческого движения в среде буддийского духовенства вместе с элитой монгольской и бурятской интеллигенции на рубеже прошлого столетия, сыгравшего немаловажную роль в восстановлении буддийских монастырей после годов репрессий. Термином «обновленчество» (монг. шинэтгэл) обозначалась модернизация религиозной доктрины буддизма в Монголии и Бурятии на рубеже XIX – начале XX века под влиянием произошедших социально-политических изменений. Движение «Шинэтгэл» впервые появилось в Монголии в первой трети XX века. Впервые этот термин был употреблен настоятелем (ширетуем) монастыря Гандан Тэкченлинг в Урге Хамбо-ламой Агваном Хайдавом (1779–1838). Именно в его сочинениях, а также в публикациях таких известных деятелей монгольской социальной и духовной элиты, как Данзан Рабжа, З. Агван Балдан, Дандар Аграмба и других фиксируются идеи необходимости очищения религиозных практик буддизма [Абаева 2019; 2019а].

Проблематика буддийского «обновления» развивалась также в работах других исследователей. Так, был выдвинут тезис, что внутри начавшегося начале XX в. процесса пересмотра организационных форм существования и ревизии теоретического багажа буддийской сангхи имели места два существенно различных движения, которые ставили перед собой во многом разные задачи и применяли для их решения принципиально разные подходы. С одной стороны, деятельность бурятских просветителей Б. Барадина, Ц. Жамсарано и др., и таких представителей духовенства, как А. Доржиев, Ч. Иролтуев, Ганжурова-Гэген являлась частью процессов обновления буддизма, проходивших в то время во многих странах его распространения. Она являлась реакцией на идеологическую и политическую экспансию стран-колонизаторов, призванную выработать идеологическую основу для сохранения национальной идентичности колонизируемых народов. С другой стороны, Л. С. Цыденов и его последователи ставили себе существенно иную задачу: реформировать буддизм таким образом, чтобы он мог развиваться в новой для себя социокультурной среде, в западной культуре России. Задачей здесь было не столько сохранение национальной идентичности, сколько развитие буддийской традиции в новом культурном пространстве, что косвенным образом решало и первую задачу [Нестеркин 2014а].

Важным направлением исследовательской работы Отдела является изучение социокультурных и политических аспектов взаимодействия буддизма в Бурятии с государственными институтами и православной церковью на протяжении длительного исторического периода, начиная с имперского периода и вплоть до настоящего времени.

Методологической основой исследования истории существования буддийской общины в Российской империи является, в частности, концепт ориентализма в его специфическом преломлении, именуемом «русским ориентализмом», особенностью которого является деятельность в пределах единого политического пространства России [Амоголонова 2022].

Конечной целью имперских властей выступали достижение лояльности со стороны бурятского населения и его включение в число подданных, не подверженных «иностранным» влияниям через религию. Важную роль при этом играла окрестительная работа, проводимая духовенством и миссионерами, а потому православная церковь являлась инструментом государственной политики по отношению к «иностранцам» [Она же 2017] и иноверцам. Одновременно государство ставило перед собой задачу этатизации буддизма, что позволяло полностью контролировать деятельность буддийского духовенства, а через него и верующих. Вместе с тем огосударствление духовной жизни буддистов не означало согласия светских властей мириться с мировоззренческим конкурентом, поскольку речь

Д. Д. Амголонова

шла о том, что в перспективе все буряты станут православными христианами и, следовательно, не будут представлять гипотетической политической опасности как проводники интересов Китая [Она же 2019].

Не сформулированная, но явно присутствующая идея русского ориентализма по отношению к бурятам приобретает некоторые либеральные черты к концу XIX в., поскольку, как указывали многие чиновники на местах и инспекторы, прибывавшие из Санкт-Петербурга, буряты-буддисты отличались миролюбием и преданностью царю, что означало отсутствие необходимости давления на них со стороны государства.

Однако руководство Святейшего Синода и Иркутской епархии по-прежнему настаивали на необходимости ограничивать буддийское духовенство в численности, в материальных ресурсах и в его попытках расширить свое влияние на, например, предбайкальских бурят. Так православная церковь, по сути, вступила в противоречие со смягчением государственной политики по отношению к буддистам [Она же 2019a].

Важным видом работы является исследование роли буддизма в постсоветском бурятском этнонациональном возрождении. Методологическим основанием при этом выступает принцип социального деконструктивизма, согласно которому мировоззренческие основы религии оказываются подчиненными главенствующим идеям этнополитической идеологии, а именно социальной идентификации и дифференциации.

Д. Д. Амголоновой разработан подход к десекуляризации общественного сознания с учетом сложившихся, по преимуществу светских, представлений о

религии. Это позволило выявить идеологическое наполнение религиозного возрождения, которое, по мере возвращения религии с периферии в центр социальных процессов и практик, неминуемо способствовало не только политизации и этнизации религии, становлению буддизма в качестве национальной религии, но и изменению картины мира, а именно непротиворечивому сосуществованию научных и религиозных представлений о себе, о жизни и окружающей действительности.

Исследования показали, что постсоветское религиозное возрождение в этнической Бурятии продемонстрировало преемственность от имперского периода относительно взаимоотношений общины и ее лидеров с государством, особенно высшими властями, организационной структуры и иерархии, политических деклараций и деятельности, сосуществование с православной церковью, что обеспечивает буддийской общине и ее иерархам поддержку и материальную помощь как на местном, так и на российском уровне [Amogolonova 2015].

В исторических исследованиях бытования буддизма в Бурятии Д. С. Жамсуевой в целом была определена комплексная методика создания фактологической базы по принципу репрезентативности, адекватности и первичности источников. Привлечены материалы государственных и ведомственных архивов, получены собственными усилиями полевые данные о верованиях и обычаях различных этнических групп бурятского народа (агинских бурят и ононских хамниган). Активность бытования религиозных культов проверялась нестандартизированными интервью и стандартизированным опросом населения.

Д. С. Жамсуева

Сравнительное изучение памятников буддийского искусства народов Центральной Азии позволило разработать общую концепцию развития традиционного искусства бурятского народа [Жамсуева 2021]. Д.С. Жамсуевой было установлено, что с распространением буддизма в Забайкалье в прикладном искусстве бурятского народа возникли отрасли, развитие которых было обусловлено потребностями художественного оформления ламаистского культа. Древнее бурятское искусство обработки дерева, металла, художественной росписи, вышивки и шитья получило новое направление, вызванное необходимостью освоения многовекового наследия буддийского искусства, возникшего в Индии и впитавшего традиции художественной культуры народов Центральной Азии. Таким образом, история средневекового буддийского искусства в Бурятии отражает внешние и внутренние процессы: стилевые модификации тибетской и монгольской буддийской иконы и скульптуры в хронологических рамках XVI – начала XX в.

Исследовательницей установлено, что среди бурятских иконописцев были искусные копиисты, которые могли повторить любую манеру и технические особенности тибетских, монгольских и китайских школ иконописания, но генеральную линию развития средневекового искусства Бурятии определило формирование национальных бурятских школ иконописи и скульптуры, творческое претворение канона, самобытное своеобразие художественных решений. Тибетский канон культового искусства в Бурятии претерпел некоторые изменения под влиянием местных эстетических традиций, национальных представлений о красоте.

Изучение эстетических категорий индо-тибетской теории буддийского искусства позволило дать характеристику своеобразия архитектурных стилей бурятских буддийских дацанов этнической Бурятии, определить особенности конструктивных и декоративно-орнаментальных элементов наружного убранства, которые являются важной составляющей храмовых сооружений, выявить стилевые особенности культовой архитектуры бурятских монастырей в сравнении с образцами буддийского зодчества Монголии, Тибета. Исследовательницей делается вывод об оригинальности архитектурных ансамблей храмов в Бурятии, сочетающих отдельные формы, элементы русского церковного культового зодчества и местные традиции, школы и творчество отдельных мастеров [Жамсуева 2021a; 2015; 2015a].

Д. В. Аюшеева

Одним из важных направлений исследований современного буддизма в Отделе является изучение социальных, культурных и духовных предпосылок восприятия тибетского буддизма в современном западном мире, анализом процесса адаптации доктрин и практик тибетского буддизма к западному менталитету, а также процесса его трансформации.

Исследования показали, что состояние западной ментальности, характеризующееся идейным вакуумом и антисциентифическими настроениями, и религиозная деятельность тибетских буддистов как отклик на нее, стали факторами успешного распространения тибетского буддизма на Западе. Процесс этого взаимодействия имеет значение как для принимающего западного общества, особенно на уровне личностного осмысления социальной реальности, так и для самого буддийского учения, неизбежно трансформирующегося в условиях иной культуры. Данное явление особенно актуально для тибетского буддизма, для которого эти условия дают возможность не только распространения, но и сохранения традиции [Аюшеева 2013; Нестеркин 2017].

Существуют все основания для утверждения, что тибетский буддизм на современном этапе своего развития закрепился в странах западного мира как институт религиозной веры и личностной социализации, о чем свидетельствуют многочисленные и разнообразные по назначению центры: образовательные, медитативные, тибетской медицины, которые привлекают тысячные аудитории адептов. Это позволяет утверждать, что тибетскому буддизму удалось вписаться в культурную реальность Запада. С другой стороны, и тибетский буддизм развивается с учетом особенностей новой для него политической, социальной и духовной структуры и пребывающей в ней личности. Такое взаимовлияние имеет более чем сорокалетнюю историю и, очевидно, будет углубляться и в дальнейшем [Аюшеева 2016].

Исследования показали, что к настоящему моменту на Западе сформировалась определенная тенденция, ведущая к трансформации некоторых «технических» аспектов тибетской буддийской традиции, главным образом, обусловленная некоторой разницей между восточным и западным мироощущением и бытом, что несет в себе как положительные, так и отрицательные моменты. Тем не менее, несмотря на определенные сложности, можно утверждать, что распространение буддийского учения на Западе продолжается неуклонно, и в первую очередь за счет интенсивного восприятия западными практикующими учения тантры тибетского буддизма [Аюшеева 2016а].

Систематическое внимание исследователей Отдела привлекала проблема взаимоотношения буддизма и науки. На современном этапе становится все более очевидной глобальная взаимосвязь биологических, психологических, социальных, экономических явлений в обществе, с одной стороны, и проблем морали и религии – с другой. И в этом взаимосвязанном мире научное сообщество несет не только интеллектуальную, но моральную ответственность за свои исследования. С этой точки зрения сотрудничество буддистов и ученых становятся актуальным. В ходе диалога буддисты не призывают объединить религиозную этику и научный поиск, речь идет о базовых этических принципах – о «секулярной этике», которая включают в себя такие ключевые принципы, как сострадание, терпимость и ответственное использование знаний и технологических достижений. Буддисты предлагают медитацию как способ развития основных этических качеств, таких как способность любить и испытывать сострадание, которые часто остаются непроявленными до тех пор, пока человек не начнет развивать их специально. Результаты исследований способны привести изменения в современную западную систему ценностей, и новое видение реальности может отразиться на многих научных дисциплинах [Аюшеева 2015]. По проблеме взаимоотношения буддизма и науки Отделом было организовано несколько научных конференций.

Таким образом, исследования тибетского буддизма в Отделе сочетают работу с тибетскими источниками, позволяющую адекватно раскрывать смыслы буддийской философии и практики, с полевыми исследованиями национальных форм бытования тибетского буддизма, позволяющую выявлять закономерности его трансформации в процессе бытования в инокультурной среде.

Статья подготовлена в рамках государственного задания, проект «Трансформация направлений и школ буддизма: история и опыт взаимодействия с религиями и верованиями России, Центральной и Восточной Азии (с периода распространения буддизма до современности: Россия – XVIII-XXI вв.; Китай – II-XXI вв.; Тибет – VII-XXI вв.; Монголия – XVI-XXI вв.)», № 121031000261-9.

Литература

Абаева Л. Л. Антропология популярного вероучения буддизма в этнической Бурятии // Власть. – 2019. – №2. – С. 148–153.

Абаева Л.Л. Духовенство и миряне в процессах восстановления/возрождения буддийских монастырей Бурят-Монголии в послевоенный период // Власть. – 2019а. – Т. 27 (№ 4). – С. 229–233

Абаева Л. Л. Религиозная культура монгольских народов в векторе буддийских традиций. – Улан-Удэ: «Буряад-Монгол ном» хэблэл, 2018. – 368 с.

Абаева Л. Л. Стратегии и тенденции развития буддийской конфессии в моно- и полиэтнических сообществах монгольского мира //Власть». – 2020б. – №6. – С.184–189.

Абаева Л. Л. Трансформация традиционной религиозной культуры и ментальных характеристик монгольских народов в результате адаптации буддийских идей и практик // Власть». – 2020. – Т. 28, №4. – С. 149–153.

Абаева Л. Л. Ундэр Гэгэн в исторической ретроспективе, социокультурных процессах и этнокультурной динамике буддийских традиций Монголии. Статья-рецензия на коллективную монографическую работу «Сарьдагийнхийд». – Ондор Гэгээн Занабазарын Уран Бутээлийн Хурээ. – Туух-Археологийн Судалгаа. – Эрхэлсэн (отв. ред.): Хар Адуутан Сампилдондовын Чулун. – Улаанбаатар, 2019 он. – 488 х.: ил.(на монг. языке) // Ориенталистика. –2020а. – № 3. – С. 892–902.

Амоголонова Д. Д. Государство, православие и буддизм в бурятском духовном пространстве (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2019. – №2. – С. 32–39.

Амоголонова Д.Д. Инославие в православном государстве: буддизм в поздне-имперской России (на материалах Бурятии) // Вестник КИГИ РАН. – 2017. – №2. – С. 14-24.

Амоголонова Д. Д. Политика христианизации бурятского населения Российской империи в конце XIX – начале XX веков // Научный диалог. – 2022. –№ 1. – С. 346–361.

Амоголонова Д. Д. Российское государство и православная церковь в бурятском духовном пространстве (позднеимперский период) // Mongolica. – 2019. – Т. XXII, №2. – С. 31–40.

Арджа Лобсанг Тубден. Жизнь Арджа-ринпоче и секрет золотой урны / пер. скит., вступ. ст., примеч., индекс И. Р. Гарри. – Улан-Удэ: Буряад-Монгол Ном, 2018. – 464 с.

Аюшеева Д. В. Взаимодействие буддизма с западной культурой // Буддизм в социокультурных и политических процессах России, Внутренней и Восточной Азии; трансформации и перспективы / отв. ред. Л. Е. Янгутов. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2016. – 369 с.; с. 216-223.

Аюшеева Д. В. Взаимодействие тибетского буддизма с другими конфессиями // Вестник БНЦ СО РАН. – 2016а. – № 3(23). – С. 137–144.

Аюшеева Д. В. Современная наука о сознании и тибетский буддизм // Буддизм в контексте диалога культур. Улан-Удэ: Изд-во Бурят.госуниверситета, 2015. – С. 154–163.

Аюшеева Д. В. Тибетский буддизм на Западе: особенности и перспективы развития // Евразийство и мир. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят.госуниверситета, 2013. – №1. – С. 120–126.

Базаров А. А., Лощенков А. В. Каталог тибетских тантрических сочинений: ИМБТ СО РАН. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2021. – 546 с.

Гарри И. Р. Буддизм и политика в Тибетском районе КНР (II половина XX – начало XXв.). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. – 320 с.

Донец А. М. Срединное познание в буддийской традиции Гелуг / отв. ред. С. П. Нестеркин. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2016. – 329 с.

Донец А. М. Базовая система дхармических категорий буддийских философов Центральной Азии. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2009. – 198 с.

Донец А. М. Буддийское учение о медитативных состояниях в дацанской литературе. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2007. – 150 с.

Донец А. М. Доктрина зависимого возникновения в тибето-монгольской схоластике. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. – 268 с.

Донец А. М. Принципы дацанской системы образования // Буддийская культура. – Вторые Доржиевские чтения: мат-лы конф. (СПб., 9–11 ноября 2006 г.). – СПб., 2008. – С. 168–172.

Донец А. М. Проблемы базового сознания и реальности внешнего в дацанской философии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. – 174 с.

Донец А. М. Структура дхармы в свете принципа срединности. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. – 296 с.

Донец А. М. Учение об истине в философии школы мадхьямика-правангика традиции Гелуг. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. – 408 с.

Донец А. М., Нестеркин С. П. Учение о личности в философии школы Гелук // Вестник БНЦ СО РАН. – 2013. – № 3. – С. 95–104.

Жамсуева Д. С. Историко-архитектурная самобытность бурятских храмовых сооружений // Власть. – 2021а. – Т. 29. – № 5. – С. 217–222.

Жамсуева Д. С. Культурная система храмовых комплексов бурятских дацанов (история и современность) // Вестник Иркутского государственного технического университета. – 2015. – № 1 (96). – С. 233–237.

Жамсуева Д. С. Культурный декор Цугольского цокчен-дацана // Вестник Бурятского государственного университета. – 2015а. – № 8. – С. 149–155.

Жамсуева Д. С. Отдельные аспекты религиозно-культурной системы буддизма в архивных материалах К. М. Герасимовой // Буддологические исследования. Религиоведческий альманах. – 2021. – Вып. 4 – С. 146–150.

Кёнчог Чжигмэ Ванпо. «Драгоценное ожерелье»: Краткое изложение концепций буддийских и небуддийских философских школ / пер. с тиб., коммент. А. М. Донца – Улан-Удэ: Изд. БЦ «Ринпоче-багша», 2005. – 70 с.

Лепехов С. Ю., Донец А. М., Нестеркин С. П. Герменевтика буддизма. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2006. – 264 с.

Лощенков А. В. Классы и тексты в учебной программе колледжа Лоселлинг монастырского университета Дрепунг // Человек и культура. – 2021. – № 6. – С. 1–12.

Лощенков А. В. Тантрический монастырь Гьюто: сохранение и трансляция знаний // Философская мысль. – 2018. – № 12. – С. 83–92.

Нагараджуна. Избранные места из разных Сутр / пер. с тиб., предисл. и коммент. А. М. Донца. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. – 158 с.

Нестеркин С. П. Святая сутра махаяны «Мудрость в час смерти» (введение, перевод с тибетского, комментарий) // Буддологические исследования. Религиоведческий альманах. – 2019. – Вып. 2. – С. 179–185.

Нестеркин С. П. Святая сутра Махаяны «Наставление о четырех факторах-дхармах» (перевод с тибетского, введение, комментарий) // Буддологические исследования. Религиоведческий альманах. – 2020. – Вып. 3. – С. 177–181.

Нестеркин С. П. Философия саутрантики в тибетской историко-философской литературе // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2018. – Т. 7, № 6А. – С. 197–205.

Нестеркин С.П. «Вовлеченный буддизм» как форма социального активизма на Западе // Социально-культурные процессы в условиях интеграции и дезинтеграции / отв. ред. Д. Ш. Цырендоржиева. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госуниверситета, 2017. – С. 51–54.

Нестеркин С. П. Доктринальные основания формирования личности в образовательной системе буддийских монастырей // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2016. – № 5. – С. 185–194.

Нестеркин С. П. Историко-философская традиция тибетского буддизма // Вестник БНЦ СО РАН. – 2014. – №4. – С. 10–16.

Нестеркин С. П. Личность в буддизме махаяны. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. – 243 с.

Нестеркин С. П. Обновленческое движение в российском буддизме: два проекта реформ // Вестник БНЦ СО РАН. – 2014а. – №4. – С. 110–116.

Нестеркин С. П. Святая сутра Махаяны «Наставление Манджушри» (введение, перевод с тибетского, комментарий) // Буддологические исследования. Религиоведческий альманах. 2021. – № 4. – С. 141–145.

Нестеркин С. П. Святая Сутра махаяны «Три тела» (перевод с тибетского, введение и комментарий) // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2021. – Т. 10, № 5А. С. 279–285.

Нестеркин С. П. Трансформация традиционной системы буддийского образования в контексте процессов глобализации // Буддизм в контексте диалога культур: сб. ст. Улан-Удэ, 2015. – С. 76–86.

Панчен-лама Лосанг Еше. Ламрим «Быстрый путь к всеведению»: обнаженное руководство по этапам пути просветления // пер. с тиб., коммент. и прил. А. В. Лощенкова. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2018. – 224 с.

Святая Сутра Махаяны «Вопросы Сувикранта-викрамина»: Объяснение праджня-парамиты / предисл., коммент., пер. с тиб. А.М. Донца. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2009. – 184 с.

Сутра «Поучения Вималакирти» / пер. с тиб. яз., предисл., коммент. А. М. Донца. – Улан-Удэ: Изд. БНЦ СО РАН, 2005. – 144 с.

Сутра Праджня-парамита восьмитысячная / предисл., пер., коммент. и глоссарий А.М. Донца; отв. ред. С.П. Нестеркин. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. – 400 с.

Сутры Махаяны / предисл., пер., коммент. и глоссарий А. М. Донца; отв. ред. С. П. Нестеркин. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2015а. – 324 с.

Тагпа Шедуб. Два комментария на Сутры Праджняпарамиты / предисл., пер., примеч. А. М. Донца; отв. ред. С. П. Нестеркин. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2016. – 181 с.

Урбанаева И. С. «Постепенный» путь в индо-тибетской махаяне и его логико-философский фундамент // Религиоведение. – 2015. – № 3. – С. 86–98.

Урбанаева И. С. Буддийская философия и практика: «постепенный» и/или «мгновенный» путь» просветления. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2016. – 420 с.

Урбанаева И. С. Актуальность проблемы аутентичного буддизма в контексте процессов глобализации и межкультурных диалогов // Вестник БНЦ СО РАН. – 2017а. – № 1(25). – С. 94–109.

Урбанаева И. С. Ламрим как система буддийской философии и медитации (на основе текстов Чже Цонкапы, Пабонгка Ринпоче и устных учений) // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. – 2014. – № 1(13). – С. 185–194.

Урбанаева И. С. Буддийская философия, образование и медитация: актуальность традиции Наланды // Философия образования. – 2015а. – № 6(63). – С. 199–209.

Урбанаева И. С. Становление тибетской и китайской махаяны: в контексте проблемы аутентичного буддизма. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014а. – 364 с.

Урбанаева И. С. Буддизм в сравнительном контексте: что такое аутентичный буддизм? // Вестник БНЦ СО РАН. – 2013. – № 3(11). – С. 78–86.

Урбанаева И. С. Единство буддийской философии и медитации, знания и веры: Его Святейшество Далай-лама XIV и традиция Наланды // Буддизм в контексте диалога культур. – 2015б. – С. 60–75.

Урбанаева И. С. Индо-тибетская традиция систематизации Учения Будды в категориях «Основа», «Путь», «Плод» и концепция стадиальности // Философская мысль. – 2017. – № 12. – С. 104–121.

Цонкапа Лосанг Драгпа. Океан аргументов: Большой комментарий к тексту Нагарджуны «Mūlamadhyamakakārikā» (предв. раздел и гл. I–VIII) / Лосанг Драгпа Цонкапа; пер. с тиб., вступ. статья, примеч. И.С. Урбанаевой. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2020. – 348 с.;

Цонкапа Лосанг Драгпа. Океан аргументов: Большой комментарий к тексту Нагарджуны «Mūlamadhyamakakārikā» (гл. IX–XXVII) / пер. с тиб., исслед. и прил. И. С. Урбанаевой. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2021. – 310 с.

Чандракирти. Введение в мадхьямику / пер. с тиб. яз., предисл., коммент., указ. А. М. Донца. – СПб.: Евразия, 2004. – 464 с.

Amogolonova D. A Symbolic Person of Buddhist Revival in Buryatia: ‘Our Hambo’ Damba Ayushev // Inner Asia. – 2015. Vol.17. – Is. 2. – P. 225–242.

Nesterkin S. P., Shcherbina A. V. The Modernization of Buddhist Religious Education: Adaptation Strategies // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS. – 2019. – Vol. LXXIII. December .

Nesterkin S.P. The Concept of Personality in the Teaching of Mādhyamaka Prāsaṅgika in Tibetan Buddhism. Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being]. – 2021. – 10 (5A). – P. 286–298.